

КЭП 1950 – Карельские эпические песни / Предисл., подгот. текстов и коммент. В. Я. Евсеева. М.; Л., 1950.

Наумова 2006 – Наумова М. В. Глагольное управление в ливвиковском наречии карельского языка: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Петрозаводск, 2006.

Федотова 1990 – Федотова В. П. Очерк синтаксиса карельского языка. Петрозаводск, 1990.

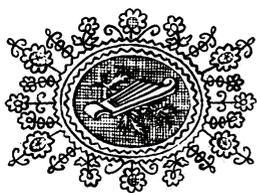
Хайду 1985 – Хайду П. Уральские языки и народы. М., 1985.

АКЕР 2006 – Anuksen karjalazien eepizet rajot / Сост. В. П. Миронова. Петрозаводск, 2006.

Saarinen 2005 – Saarinen S. Die Nominalkategorie und das Postpositionssystem der Wolgasprachen // Congessus Decimus Internationalis Fenno-Ugristarum. Pars I. Jorshkar-Ola, 2005. S. 161–172.

SKES – Suomen kielen etymologinen sanakirja. Helsinki: SUS, I – 1955; II – 1958; III – 1962; IV – 1969; V – 1975; VI – 1978; VII – 1981. 2293 с.

SSA – Suomen sanojen alkuperä. Helsinki: SKS, I – 1992. 486 с.; II – 1995. 470 с.; III – 2000. 503 с.

Н. А. Пеллинен
Петрозаводск

**Севернокарельские колыбельные песни
калевальского размера**

Функция колыбельной песни – усыпление ребенка. Этот жанр фольклора достаточно древен: полагают, что колыбельные возникли уже в Средние века. В колыбельной песне две основные темы: обращение ко сну с просьбой усыпить ребенка и пожелание младенцу счастливой судьбы [Степанова 1991: 86].

В байке нет сказителя в общепринятом фольклористикой смысле слова, как человека, обладающего большой одаренностью, памятью или более обширным знанием фольклорной традиции [Лойтер 2001: 19]. Колыбельную может исполнить даже мать с совершенно неразвитым музыкальным слухом. Суть песни – это первые слова любви и нежности ребенку, поскольку искренне верили, что ребенок понимает

обращенные к нему слова уже с шестинедельного возраста. Поэтому колыбельные песни являлись также первыми уроками нравственности, преподаваемыми матерью младенцу. Кроме того, в байке прослеживается связь и с такими древними явлениями культуры, как заклинания, языческие и христианские воззрения народа, его мудрый и чуткий взгляд на воспитание ребенка.

При рассмотрении текстов севернокарельских колыбельных песен можно выделить следующие встречающиеся в них мотивы (по степени частотности): обращение к Богу и к Деве Марии за помощью в усыплении младенца, желание видеть в ребенке в будущем уважаемого человека с почетной профессией (чаще всего судью), надежда, что ребенок вырастет опорой для родителей, тревога по поводу выбора супруга для дочери, мотив гребли и рыболовства, сравнение колыбельной с частями избы, упоминание о животных, обитающих подле человека, пастушьи мотивы, отголоски мировой истории и т. д. Очевидно, что байки содержат богатейший этнографический материал.

Большей части колыбельных, записанных мною от информантов и найденных в различных источниках, свойственны калевальский размер и стилистические особенности карельских эпических песен. Поскольку в моем распоряжении имеются лишь севернокарельские колыбельные, при анализе языка песни и рассмотрении вопроса ее функционирования на данном этапе я буду иметь в виду лишь севернокарельскую традицию.

Что же называют калевальским размером? Существует гипотеза о том, что в культуре проживавших в районе Финского залива прафинских племен около 2500–3000 лет назад произошел большой перелом. Вследствие его родилась самобытная манера стихосложения, которой были свойственны аллитерация внутри строки и параллелизм, а также отсутствие деления на строфы. Строки стиха образовывали определенный четырехтактный размер, который стали называть калевальским размером. Музыкальная строфа по своему ритму была чаще всего четырех- или пятидольной, а мелодии составляли специфический пятиятоновый лад [Старшова 1997].

В том, что в подавляющем числе карельских колыбельных песен представлен калевальский размер, нет ничего удивительного: это — жанр фольклора, хотя и детского. Граница взрослого и детского фольклора, вообще, представляется очень подвижной. По мнению Н. А. Лавонен, в некоторых районах Карелии (например, Кестеньге,

Оуланге) детям исполняли лирические и лирико-эпические песни, называя их детскими [Лавонен 1992: 143].

В. Я. Евсеев в статье, посвященной исследованию прибалтийско-финской колыбельной песни, приводит пример того, как «руна об изготовлении лодки Вяйнямейненом» исполняется в качестве колыбельной песни:

Vesti vuorella venehtä,
Kalskutelli kalliolla.

В приладожской Карелии в отдельных вариантах колыбельных песен встречаются стихи руны о состязании Вяйнямейнена и Йоукахайнена в пении и другие мотивы рун [Евсеев 1962: 43].

В той же статье В. Я. Евсеев говорит об обратном процессе: иногда древние карельские колыбельные переходят в типичные эпические песни, например, появилась песня, композиционно напоминающая руну о ранении колена Вяйнямейнена и о его поездке по трем дорогам в поисках людей, способных остановить кровотечение. Согласно отдельным вариантам карельской колыбельной песни, так же по трем дорогам едет сон и ищет ребенка, которого нужно усыпить [Евсеев 1962: 43–44].

Исполнение эпических песен в качестве колыбельных основано на воспитательном значении тех сюжетов и коллизий, которые представлены в эпических песнях.

Для иллюстрации близости колыбельных и эпических песен обратим внимание на их размер, некоторые стилистические особенности и язык.

Uni uuhella ajauve,
kuokkasarvella kävelöy⁵.
Unipa se ulkuota kyselöy^{2,5},
alta akkunan anovi²:
Onko lapsie kätkyössä⁴,
pienie peittojen sisällä⁴?
Tulepa sie, uniukko, meilä⁴,
tuo se unta tullessasi⁴,
meilä on lapsi kätkyvössä⁴,
pieni on peittojen sisällä⁴.
Sivo sie lapsen silmät kiini^{3,6},
sivo silkinuorasella^{3,6},
kuro lapsen korvat kiini^{3,6},

Сон на баране едет,
на рогатом приходит.
Сон с улицы спрашивает,
из-под окна задает вопрос:
Есть ли дети в колыбели,
маленькие в пеленках?
Приди ты, старик-Сон, к нам,
принеси с собою сна,
у нас ребенок в зыбке,
маленький в пеленках.
Завяжи глаза ребенку,
завяжи шелковой веревочкой,
затяни ребенку уши,

kuro kultarenkahilla^{3,6}.
Tuutie lasta, **tuutie** pientä¹,
uinottelen pienokaista⁵,
vakauttelen vakavaista⁵.

зятяни золотыми обручами.
Баю ребенка, баю маленького,
усыплю малыша,
успокаиваю новорожденного.

В колыбельной представлен калевальский размер (8 слогов, четырехстопный хорей):

U-ni/uu-hel/la-a/jau-ve
kuok-ka/sar-vel/la-kä/ve-löy.

По мнению исследовательницы марийских языческих молитв М. Ю. Семеновой, аллитерация и повторы, которые существовали также в древних примитивных карельских рунах и плачах, являются наиболее архаичными характерными особенностями карело-финских песен [Семенова 2006: 83]. Именно эти средства являются формообразующими и в отношении карельских колыбельных песен.

В приведенной выше песне присутствует параллелизм внутри строки¹ (организуется с помощью анафоры), междустрочный параллелизм² (последняя строка добавляет главной строке новые оттенки [Старшова 1997: 14]), повторы в парных строках³ (здесь также представлена анафора), диалогические повторы⁴; конечная рифма⁵, в повторяющихся строках рифмуются окончания соответствующих слов⁶ [Старшова 1997: 14].

Об аллитерации. В данной колыбельной присутствуют случаи как сильной (**Uni uuhella** ajauve, **sivo silkkinuorasella**, **kuro kultarenkahilla**, **vakauttelen vakavaista**) и слабой (**pienie peittojen sisällä**, **kuro lapsen korvat kiini**) аллитерации, так и абсолютные повторы слов (случаи параллелизма внутри строки): **tuutie** lasta, **tuutie** pientä; встречается и аллитерация в трех словах в пределах одной строки (**alta akkunan anovi**, **sivo sie lapsen silmät kiini**).

Язык песни исключительно выразителен. Обращают на себя внимание такие эпитеты, как *lapsi* – *pieni* (постоянный эпитет), *uuhi* – *kuokkasarvi* (изобразительный эпитет), *pienokaini* – *vakavaini*, *kätkyössä* – *peittojen sisällä* (эпитеты, близкие к перифразу).

Колыбельная интересна с точки зрения подачи сюжета, где, например, сон персонажируется, он: *uuhella ajauve*, *kuokkasarvella kävelöy*; *ulkuota kyselöy*, *alta akkunan anovi*. Эти детали добавляют конкретики в образ сна.

В байке есть и другие средства языковой выразительности. Так, отметим, что особая образность часто достигается с помощью использования сложных прилагательных:

Sivo sie lapsen silmät kiini,
sivo **silkkinuorasella**,
kuro lapsen korvat kiini,
kuro **kultarenkahilla**.

Интересно, что для современного человека «*silkkinuorani*» («шелковая веревочка») и «*kultarenkahat*» («золотые кольца»), которыми сон, чтобы усыпить ребенка, должен соответственно завязать ему глаза и зашить уши, являются лишь метафорами. Для исполнителя же колыбельной это конкретные просьбы: здесь прослеживается синкретический взгляд на мир и своеобразная «картина мира», в которой, по словам С. М. Лойтер, ребенок — этот тот центр, вокруг и для которого все происходит [Лойтер 2001: 21]. Мать словно ограждает ребенка от остального мира, в том числе с помощью средств родного языка. С шелком и золотом связаны надежды о судьбе ребенка.

В целом язык колыбельных песен исключительно колоритен; он нежен, содержит различные обращения к ребенку, сохраняет некоторые достаточно древние формулы языкового и фольклорного характера, которые стали типичными для данного жанра, например, в колыбельной к ребенку обращались со словами «*lapsi*», «*lintuni*», «*linnunpoika*», «*väistärikki*», «*nurmilintu*» и пр., но вслух имя ребенка не произносилось (это было табу), опасались влияния злых духов.

Для колыбельных песен характерно использование деминутивных суффиксов, причем не только в отношении ребенка (*pienokaini*, *vakavaini* и т. д.), но и при описании окружающего быта (*silkkinuorasella*, *vakkasella* и пр.). С помощью этих суффиксов взрослый выражает ласковое отношение к миру детства, в котором пребывает ребенок.

Карельские колыбельные песни записывались финскими, карельскими и русскими исследователями на протяжении XIX–XX вв., изданы образцы речи и сборники с текстами баек, фондом *Juminkeo* (Финляндия) выпущены также диски с записями образцов фольклора, в том числе колыбельных песен. Представляется важным продолжение работы с собранными текстами, а также запись колыбельных от тех редких информантов, которые еще могут их исполнить.

К сожалению, дальнейшее бытование карельской колыбельной песни (в традиционном понимании) представляется проблематичным. Приходится отметить, что этот жанр фольклора уходит из повседневного обихода: тексты баек удается записать лишь от исключительно редких информантов преклонного возраста. Собирая материал в полевых условиях, я зачастую была вынуждена «настраивать» информантов на детские воспоминания и исполнение колыбельных. Тем не менее в таких деревнях, как Вокнаволок, мне удалось еще застать бытование карельской колыбельной песни и записать их самой от Сантры Ремшуевой, Лайне Николаевны Лесонен и др. Ценный этнографический материал о детских годах, а также несколько колыбельных песен записано в г. Костомукше от Хилмы Андреевны Исаковой и т. д.

Сфера функционирования карельской колыбельной песни в наши дни становится все уже: она существует лишь как художественный элемент в деятельности фольклорных коллективов и – в незначительной степени – при обучении карельскому языку в детских садах и школах (в программах фольклорных занятий и праздников). Хорошим стимулом для сохранения карельского языка и культуры могло бы послужить двуязычие в семьях, а также создание Kielipešä (языковых гнезд, в которых дети на протяжении всего дня погружены в среду изучаемого языка).

Литература

Евсеев 1962 – Евсеев В. Я. Колыбельные песни карел и других прибалтийско-финских народов // Вопросы литературы и народного творчества. Вып. 35. Петрозаводск, 1962. С. 37–61.

Лавонен 1992 – Карельский фольклор: Хрестоматия / Изд. подгот. Н. А. Лавонен. На русском и карельском языках. Петрозаводск, 1992. 272 с.

Лойтер 2001 – Лойтер С. М. Русский детский фольклор и детская мифология: Исследования и тексты. Петрозаводск, 2001. 296 с.

Семенова 2006 – Семенова М. Ю. Фонологические средства выразительности марийских языческих молитв и текстов карело-финских рун. Ханты-Мансийск, 2006. 174 с.

Степанова 1991 – Песенный открою короб: Хрестоматия по карельскому фольклору для учащихся школ Карельской АССР / Изд. подгот. А. С. Степанова. Петрозаводск, 1991. 222 с.

Старшова 1997 – Staršova T. Kalevala-epoksen kieli- ja tyylierikoisuuksista. Petroskoi, 1997.